

ЮРТА – МОДЕЛЬ МИРА НОМАДОВ

Т.А.Сулейменов
ЮКГУ им. М.Ауезова, г.Шымкент

Методологической основой исследования заявленной в заголовке настоящей работы темы служат следующие общепризнанные в современном общественном сознании положения:

1. Земное как мир человека (профанное) есть архетипическое повторение небесного (сакрального).
2. Жилище человека является *imago mundi* (образом мира).

Как известно, жилище евразийских кочевников претерпело определенную эволюцию в своем историческом развитии. В работах античных и средневековых авторов (Геродота, Помпея Трога, Аммиана Марцелина, Гильома де Рубрука, Плано Карпини и др.) приводятся сведения о жилищах кочевников, которые перевозятся с места на место на повозках. Вот что писал о жилищах ногайцев во второй половине 16 века английский путешественник Антоний Дженкинсон: «Они передвигаются с домами, подобными палаткам, устроенными на повозках и перевозимых с места на место верблюдом. В них они перевозят жен, детей и все свое добро, очень незначительное..» [1, с. 170]. В то же время источники свидетельствуют и о том, что наряду с ними были у кочевников еще жилища разборного типа, которые считаются прототипами юрты. В нашу задачу не входит исследование юрты ни в историческом аспекте, ни в аспекте материальной и гуманитарной культуры, т.к. эти проблемы достаточно полно освещены на страницах зарубежной и отечественной литературы. В настоящей работе выбран иной аспект, а именно: анализ юрты как объекта **архетипической культуры**, со всеми вытекающими из этого характеристиками данного переносного жилища кочевников.

Рассмотрение юрты как модели мира кочевников целесообразно начать с традиционного расположения ее кочевниками в пространстве. Прежде всего, обращает на себя внимание выбор места для сооружения юрты. Об этом известный исследователь кочевого общества Д.Кшибеков пишет так: «Кочевник-скотовод при временных остановках для пастбы скота ставил юрту не где попало, а в наиболее благоприятных для жизни людей и скота местностях, и чтобы рядом с юртой была какая-то возвышенность или сопка, куда он мог взбираться утром и вечером и обозревать окрестность в радиусе 10 – 15 км» [2, с.63].

Не сбрасывая со счетов такой утилитарный мотив, все же следует указать еще на одно обстоятельство, которое мало принимается во внимание при исследовании реалий кочевой цивилизации. Здесь имеется в виду учение М.Элиаде об архетипическом повторении, которое гласит: «...окружающий нас мир, цивилизованный (окультуренный) человеком, обладает действительной ценностью лишь благодаря внеземному прототипу, который послужил ему моделью. Человек строит по архетипу. Небесные модели имеют не только город или его храм, но они есть у любой местности, с орошающими ее реками, полями, дающими пропитание и т.д., где живет человек» [3, с.37]. Так вот сооружение кочевником своего переносного жилища рядом с

возвышенным местом не дань случайности или обстоятельствам, а продиктовано причиной сакрального порядка. Если гора, сопка, холм представляют аналог Мировой горы – этого своеобразного центра мира, то стремление номада поставить юрту как можно ближе к возвышенному месту свидетельствует в пользу доминирования структур сакральности над структурами повседневности в кочевом социуме.

То же самое проявляется и в ориентации юрты по сторонам света. В кочевниковедческой литературе содержатся сведения об ориентации юрты тюркоязычных номадов входом на восток. В то же время известно, что дверь переносного жилища монголов традиционно обращалась на юг. Об этой традиции монголов свидетельствует Гильом де Рубрук: «Когда они поставят дома, обратив ворота к югу, то помещают постель господина на северную сторону» [4, с.81]. Некоторые исследователи объясняют эти факты утилитарными мотивами. В частности, М.Орынбеков пишет об этом так: «Если вначале ориентировка двери и шанырака на восток позволяла предугадывать первые лучи солнца, а затем движение световых лучей по ободу шанырака и уйкам служили своеобразными часами, а это уже задавало жесткую расположенность в пространстве, то потом, при переходе к другим местам, прототюрки стали придерживаться вольного расположения двери, не ставя ее против ветра, в закрытое пространство обозрения и т.д. Сами казахи стали преимущественно ставить юрту дверью на юго-восток, что диктовалось розой ветров, шедших с севера и запада, и природными условиями» [5, с.125]. Однако не надо забывать и того, что семантика востока, точнее восточной стороны, откуда восходит солнце, связана с мотивами рождения, символом жизни и оплодотворяющего начала. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ориентация юрты евразийских номадов варьировалась между востоком и югом как наиболее предпочтительными сторонами света.

Если взять юрту в целом, то она представляет собой модель мира как в горизонтальном, так и в вертикальном измерениях. В вертикальном разрезе юрта отражает трехуровневое строение мира: верхний мир олицетворяется куполом с шаныраком, средний мир – пространством от купола до пола и нижний мир – пространством под порогом. Купол с шаныраком представлялся номаду опрокинутым на него небесным сводом, в котором обитают боги. Вместе с тем, шанырак являлся связующим звеном между верхним и средним мирами. Вот как об этом говорит А.Никонов: «Кут – есть зародыш, от которого начинается бытие человека, а также жизненная сила, поддерживающая жизнь человека. На девятом небесном слое, у Ульгена и его сыновей растет священная береза, на ветвях которой, словно листья, висят кут человека. Когда наступает время кому-то родиться по воле Тенгри, кут падают со священной березы и попадают в дома через дымоходы» [6, с. 18-19]. Отсюда вытекает сакральная семантика шанырака как символа семейного очага и преемственности поколений. Казахское выражение «кара шаңырақ» как нельзя лучше передает эту символику: потемневшая от дыма очага верхняя часть юрты свидетельствует о непрерывной цепи поколений, которые рождались, росли, жили, любили, старились и умирали под ней. И не было для казаха-номада горше ситуации, чем когда из-за отсутствия сына-наследника некому было поддерживать огонь в очаге. В таком случае употреблялось выражение «шаңырағы күлады», что было равнозначно гибели мира. Таким образом, шанырак юрты воспринимался одновременно как символ мира космического и космоса социального. А подпирающий его снизу вертикально установленный шест – бакан в архетипической культуре номада выступал как реплика Мирового дерева.

Горизонтальное членение внутреннего пространства юрты евразийских номадов, в отличие от ориентации двери по сторонам света, характеризуется инвариантностью. Центром предельно семантизированного внутреннего пространства юрты (что не характерно для жилища оседлого человека) являлся очаг, который был объектом особого почитания у номадов. Об этом говорят их многочисленные запреты относительно огня и очага. «Киргизы (казахи. – Т.С.), – писал Ч.Валиханов, – оказывают вообще большое почтение огню; в огонь нельзя плевать, нельзя проходить через огонь, даже через место, где он был когда-то разведен» [7, с.304]. Поэтому суеверные (ырымшыл) казахи-номады при многочисленных перекочевках никогда не ставили свои жилища на то место, где когда-то стояла юрта. А Плано Карпини приводит одно из преданий монголов, согласно которому нельзя было «вонзать нож в огонь, или также каким бы то ни было образом касаться огня ножом, или извлекать ножом мясо из котла, также рубить топором возле огня, ибо они веруют, что таким образом должна быть отнята голова у огня...» [4, с.26–27]. Как известно из источников, Чокан Валиханов вслед за Дорджи Банзаровым придер-

живался точки зрения о заимствовании номадами культа огня у персов. В то же время почтительное отношение номадов к огню и очагу можно объяснить законом архетипического повторения Мирча Элиаде: огонь и очаг являются прототипами Солнца, дарующего жизнь всему живому на Земле.

Вокруг очага располагалось внутреннее, жилое пространство юрты, которое очерчивалось кругом кереге с особо выделенными семантическими объектами, к числу которых принадлежат төр и порог. Төр как наиболее удаленная от порога часть пространства юрты олицетворял верхнюю часть мироздания и поэтому здесь находилось наиболее ценное имущество семьи, размещались предметы культового характера, располагались места для хозяина и самых почетных гостей. Именно от төра как особо привилегированного, семантизированного места велся отсчет при структурировании пространства внутри юрты в соответствии с возрастным, социальным, родственным и половым статусами людей.

Что же касается порога, то он, во-первых, являлся границей, отделяющей внутреннее пространство юрты (микромир номада) от внешнего пространства (макромира). Во-вторых, согласно верованиям номадов под порогом обитали духи – покровители жилища. Благодаря такому статусу, порог становился сакральным объектом, требующим особого почтения. Об этом свидетельствуют бытовавшие в среде номадов запреты относительно порога своего жилища. Один из них описан Плано Карпини так: «Взяв дары, они повели нас к орде, или палатке его, и научили нас, чтобы мы трижды преклонили левое колено перед входом в ставку и бережно остереглись ступить ногой на порог входной двери. Мы тщательно исполнили это, так как смертный приговор грозит тем, кто с умыслом попирает порог ставки какого-нибудь вождя» [4, с.61]. По представлениям номадов, если какой-нибудь человек наступал на порог или садился на него, то получалось, что выказывает неуважение к хозяину, навлекает на его семью несчастья.

Линия төр – очаг – порог разделяла пространство внутри юрты в следующем порядке: с правой стороны от человека, сидящего на почетном месте лицом ко входу, располагалась мужская половина, а с левой стороны – женская половина с присущими им атрибутами. Также по линии восток-запад пространство структурировалось сообразно возрастному и социальному статусу людей. Обычно ближе к порогу места предназначались младшим по возрасту, а на околодверном пространстве – босага размещались люди с низким социальным статусом (бедные, сырые, старые девы и т.д.).

Итак, переносное жилище – юрта представляет собой модель космического и социального мира номада. В отличие от жилища оседлых людей, юрта выступала как модель динамичного мира, т.е. применительно к номадам можно говорить о безусловно полной повторяемости небесного земным. Многократные разборки юрты на старом месте и установки на новом месте на архетипическом уровне переживались номадом как разрушение и повторное сотворение Космоса, или в синергетической интерпретации, как переход от порядка к хаосу и от хаоса к порядку. В связи с данным обстоятельством рискну выдвинуть предположение о том, что именно кочевой образ жизни с постоянным перемещением в пространстве, многократной разборкой и сборкой жилища обусловили описанные во многих источниках духовное и душевное здоровье номадов.

Подводя итог, можно сформулировать следующий вывод, не претендующий на истину в последней инстанции, но в какой-то мере дающий возможность раскрыть одну из важнейших особенностей переносного жилища номадов. Он гласит: юрта есть информационно насыщенная (цветовая символика, графическая символика круга кереге и шанырака, архетипическая символика) модель мира, своеобразный свернутый текст, повествующий о неприкаянной судьбе Номада – вечного путника, восходящего непрерывно к новым вершинам кочевнического духа.

Литература

- 1 Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – Л., 1937. – С.167–192.
- 2 Кшибеков Д. Кочевое общество. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 233 с.
- 3 Элиаде М. Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
- 4 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. – Алматы: Ғылым, 1993. – 248 с.
- 5 Орынбеков М. Предфилософия протоказахов. – Алматы: Өлке, 1994. – 208 с.

- 6 Никонов А. Алтун Битиг. Тенгрианство. – Алматы: Жибек жолы, 2000. – 86 с.
- 7 Валиханов Ч. Следы шаманства у киргиз // Избранные произведения. – М.: Наука, 1987. – С. 298–318.

Қорытынды

Бұл мақалада көшпенділердің киіз үйі әлем үлгісі ретінде сипатталады.

Summary

In the article the portable dwelling of nomads is examined as the model of the world.